

Жара августовского солнца била мне в шею. Воздух в маленькой долине совсем не двигался, он тяготел в унынии, а ведь была только середина утра. Я вытер лоб рукавом своей мантии, темно-синей, по стандарту Мракоборца. Я бы съел гиппогрифа, если бы до наступления ночи не разразилась гроза.

Однако пока над плоскими меловыми холмами в юго-западном углу Саффолка небо оставалось стальным и голубым. Гравийная дорожка, по которой я шел, спускалась в долину и поднималась по склону к огромному зданию двух магазинов, сверкавшему белизной в ярком свете. Его окружали ухоженные обширные сады, обнесенные кованой оградой, с внушительными воротами с гербом, через которые вела дорога и где я сейчас стоял: я добрался до Гринграсс-холла.

Ворота распахнулись прежде, чем я успел что-то предпринять. Что ж, меня ждали. Я был здесь для притворства - то есть для допроса Стерлинга Гринграсса о его возможной причастности к деятельности Пожирателей смерти или Темных во время войны, с настоятельной просьбой ничего не раскапывать. Что, разумеется, и стало проблемой. А ведь мой день начался как обычно - слишком рано, с кучей бумаг, оставшихся с прошлой недели, которые меня не интересовали, с отупляющей работой по заполнению этих бумаг и со скукой до умопомрачения. Возможно, оглядываясь назад, я не должен был говорить об этом вслух, пока Робардс в качестве главного Мракоборца находился на расстоянии слышимости; но я сказал, и это была правда.

Так мне досталось дело Гринграсса, за которое никто не хотел браться, потому что Стерлинг Гринграсс был большой шишкой в Министерстве; он просто подменил Малфоя после их падения. Каждый боялся прежде всего за свою карьеру. Разве не всегда так было? А Гринграсс-старший был старым холериком, печально известным своими обидами, поэтому наступать ему на пятки меньше всего хотелось - а теперь пришлось.

Я достал из кармана фотографию. Она была вложена в папку - вырезка из газеты, если судить по обратной стороне, - на ней были изображены Гринграссы, стоящие прямо здесь, где я стоял сейчас, перед помещением, в солнечный день несколько лет назад. Обе сестры Гринграсс были очень похожи друг на друга. Старшая, слева, казалась сравнительно высокой, с бледной кожей и точеными, пропорциональными чертами лица, обрамленными пепельными светлыми волосами и серыми глазами, тогда как у младшей глаза были голубыми, а волосы более золотисто-светлыми. В остальном она выглядела уменьшенной копией своей сестры, обе были необыкновенно красивы.

Они улыбались в объектив камеры, обнимая дедушку, который стоял посередине, и в конце концов молодая девушка разразилась тихим хихиканьем, а ее сестра попыталась ее приструнить. Я видел, как она зажала рот кулаком, чтобы не дать хихиканью вырваться наружу.

Это выглядело как идеальная счастливая семья. А младшая Гринграсс в своем белом платье была похожа на ангелочка.

Входная дверь открылась. Маленькая голова с непомерно большими ушами и глазами

выглянула из-за дверной коробки наружу, на меня.

«Господин Мракоборец Гарри Поттер, сэр, не собирается заходить?»

Я сунул фотографию обратно в карман и пожал плечами.

«Если Гринграсс уже готов».

Я вошел в главный зал, который был таким же высоким, как и само здание. После знойной жары снаружи первое, что я заметил, - это холод. Он прошелся по моему лицу, пополз вверх по рукам и заставил меня задрожать. Из-за толстого камня даже под палящим летним солнцем воздух был холодным, как в могиле.

«Я говорю мастеру Гринграссу, чтобы вы сейчас были здесь».

С этими словами домовый эльф удалился, а за мной с тихим вздохом закрылась дверь. В доме воцарилась тишина, которая почему-то казалась намного громче, чем мог бы быть самый громкий шум. Я стоял посреди зала в одиночестве, спина и левая рука были окрашены в морской зеленый цвет от света, проникающего сквозь витраж, вделанный в стену над входными дверями, которые на самом деле были скорее порталом. Кроме люстры с горящими свечами, подвешенной к непонятному и высоко поднятому потолку, это был единственный источник света, погружавший зал в непроглядную полутьму.

По левую сторону от меня широкая, широкая лестница, вымощенная плиткой, вела за небольшим поворотом на галерею, выходящую в холл второго этажа. Вдоль нее на стене висели портреты, живые или нет, я не мог сказать, но все до единого смотрели на меня, вместе со слишком большим количеством скрытых в темноте глаз. Первым был темноволосый мужчина с усами и особенно пронзительным взглядом, грозные серые глаза пытались просверлить во мне дыры; глаза человека, с которым лучше не пересекаться. Я подумал, что это Стерлинг Гринграсс в расцвете сил или, возможно, его покойный сын.

Он все еще смотрел на меня.

Мне стало не по себе, и я отвернулась. Справа находилась зона отдыха, которая выглядела так, будто простояла здесь несколько десятилетий; выцветший красный плюш на старомодных диванах. Рядом стояли внушительные рыцарские доспехи с копьем и отсутствующим щитом.

Я подошел к нему, и мои шаги по каменному полу отдавались тихим эхом, и сел в кресло.

Конечно, все было величественно, но от всего этого исходила атмосфера упадка, как будто лучшие годы остались в прошлом; душно и в воздухе витал тошнотворно-сладкий запах разложения, внушительные предметы мебели выглядели лишь внешне, как гнилое яблоко внутри, а поверхность, красная и блестящая, отчаянно пыталась сохранить образ того, чего

уже не было.

<http://tl.rulate.ru/book/122990/5154533>